

— Матушка понимает, — ответила, вздохнув, императрица.

Мать и сын замолчали. Юн Шань устало откинулся на постель. Нога постоянно напоминала о себе ноющей болью, но юноша терпел, терпел не издавая ни звука.

Матушка Шу лёгкими, почти невесомыми прикосновениями гладила его руки и вытирала холодный пот, выступивший у сына на лбу.

В комнате, казалось, воздух стал ещё тяжелее, удушливее, не давая людям свободно вздохнуть.

Юн Шань опустил взгляд и, прикрыв обсидиановые глаза, шёпотом проговорил:

— Матушка, возвращайтесь к себе во дворец. И не беспокойтесь по поводу Юн Линя.

— Как мне не беспокоиться? — императрица вздохнула. — Несмотря на то, что всё это произошло в стенах Дворца Наказаний, и вас было только трое, нельзя поручиться, что кто-то может разглядеть в этом нить паутины и следы копыт коня [1]. Ты считаешь, что в таком большом императорском дворце, где у всего есть глаза, действительно можно удержать произошедшее в секрете? Я искренне надеюсь, что, возможно, удастся всё скрыть, однако, так или иначе, мне стоит заранее принять меры, чтобы в случае провала уже были готовы пути к отступлению.

— Пути к отступлению? — На губах Юн Шаня заиграла холодная усмешка, а взгляд, которым юноша одарил матушку Шу, неожиданно стал колким, словно остриё меча. — Матушка ради меня уже обдумала пути отступления. Нет, конечно же, это не ради меня, а ради Юн Линя.

— Это ради вас обоих, — холодно ответила императрица, поглядев на сына. В одно мгновение женщина переменилась и, копируя манеру разговора Юн Шаня, резко и без всякой нежности в голосе заговорила не от лица императрицы, а от лица матери, которая поучала неразумное чадо: — В любом случае, у преступника, ранившего наследника престола, одна судьба — смертная казнь. А ты ни с того ни с сего поранил ногу, и если об этом узнает наложница Цзин, то непременно обратится к лекарю, а тот, сделав небольшой осмотр, выяснит, что у тебя ножевое ранение. Тогда во Дворце Наказаний вас было лишь трое, кто же ранил тебя? Юн Линь или всё же Юн Ци?

— Юн Линь, — не менее жёстко ответил Юн Шань.

— Нет, это сделал Юн Ци. — Матушка схватилась за руку сына и крепко сжала её, отказываясь ослабить хватку. Она уставилась в глаза Юн Шаня, словно умоляя и предупреждая его. — Юн Ци является наиболее подходящей кандидатурой. Его вернули обратно в столицу и привлекли к суду! Он презирал тебя, занявшего место наследника вместо него, и от переполнившей его ненависти ранил тебя. А у тебя не поднялась рука убить своего брата, и поэтому ты не стал сообщать об этом и утаил всё в секрете. Если в будущем нам не удастся сохранить это в тайне и кто-то узнает о твоём ранении, сразу воспользуйся этой версией. Юн Шань, такой наследник

престола, как ты, является истинным правителем. Использовать Юн Ци, чтобы тот понёс наказание — это ход, который не только спасёт жизнь твоему младшему брату, но и сможет стать твоим лучшим оправданием, только...

Юн Шань внезапно заговорил холодно, раздражённо, будто не было для него ничего оскорбительнее в этом мире, чем речи собственной матери:

— Юн Линь поднял на меня руку, а не Юн Ци.

Матушка Шу резко изменилась в лице, оторопев.

— Что ты сказал? — спросила она дрогнувшим голосом.

Нога всё ещё болела, однако сейчас взгляд Юн Шаня был решительным, но отстранённым. Он отвернулся от императрицы.

— Если об этом инциденте станет известно, то я пойду к отцу-императору и расскажу, что Юн Линь ранил меня. Матушка, разве это не является правдой? Вы хотите заставить меня лгать собственному отцу.

— Ты... — Наложница крепко схватила Юн Шаня за руку, но сейчас же внезапно отпустила, будто её ужалила змея, затем поднялась на ноги и отступила на пару шагов назад. С паникой и недоумением посмотрела на него императрица, сердце которой теперь было разбито словами наследника престола. Она не удержала тяжелого вздоха, полного неподдельного отчаяния: — Ты... ты хочешь, чтобы твоя матушка умерла...

В конце концов, Юн Шань был лишь подростком и не смог выслушивать её тоскливый голос.

— Ты хочешь смерти Юн Ци, но его смерть — это моя смерть. Матушка, неужели ты настолько сильно не любишь меня? — Юн Шань не выдержал и тяжело вздохнул, не поднимая на неё взгляда.

Поначалу наложница Шу была страшно зла на своего сына, но сейчас, услышав его тяжёлый вздох, полный душевной боли, которую он всегда так тщательно скрывал от других, её охватила тоска, и, почувствовав сейчас то, что испытывают люди, оказавшись в бескрайнем море, женщина тотчас же ощутила, как осознание беспомощности со всех сторон давит на неё. Стоило только присмотреться, как перед её глазами оказался человек, чей облик был точь-в-точь как у Юн Линя.

Не считая внешности, Юн Шань ни в чём не походил на младшего брата. В детстве он тоже был милым и прелестным, разве что немного не разговорчивым, но даже в те годы он хорошо ощущал, что любви к нему люди испытывают меньше, чем к его близнецу. Он тонко подмечал, что отцу приятнее держать на коленях Юн Линя, матушке приятнее говорить с Юн Линем,

слугам хочется проводить время с Юн Линем. Юн Линь, Юн Линь, Юн Линь! И даже теперь матушка упрашивает его спасти жизнь Юн Линю, а не думает о том, что чувствует сам Юн Шань, раненный собственным братом. Разве это честно?

Все эти мысли отразились на лице юноши, и женщина заметила это. Невольно сердце императрицы смягчилось. Сделав пару шагов, она медленно подошла к изголовью кровати и, вопреки ожиданиям, мягко обняла Юн Шаня.

— Как же я могу не любить тебя? — спросила она. — Ты забыл, что это императорский дворец, и то чувство, что называется любовью, может быть драгоценным в другом месте, но только не здесь. Даже если ты ради Юн Ци пожертвуешь всем: титулом наследного принца, Юн Линем, матушкой или собой — ты всё равно останешься с разбитым сердцем. Он предаст тебя.

Юн Линь с самого детства постоянно был в объятиях матушки, но для Юн Шаня это всегда было скупой лаской, которую он считал совершенно особенной. Для Юн Линя дорога к императрице всегда была открыта, в то время как Юн Шань думал, что нужно хорошо постараться и значительно порадовать матушку, чтобы она позволила себе обнять его.

Юн Шаня, оказавшегося в нежных объятиях матери, охватило приятное и тёплое чувство, которое возникает, когда чувствуешь себя в безопасности. Юноша всё же повернулся к ней и мягко коснулся её руки.

— Матушка, не волнуйтесь. Меня не ранил Юн Линь, и не ранил Юн Ци. Я по неосторожности сам создал себе проблемы.

Императрица не знала всех подробностей, но эти безрассудные слова оставили в её душе глубокий отпечаток. Она хотела подробнее расспросить об этой версии произошедшего, как вдруг снаружи раздались торопливые шаги, расколовшие тишину комнаты.

Чан Дэфу быстрым шагом вошёл в комнату. На лице евнуха застыло беспокойство.

— Ваше Высочество, государыня-императрица Шу, Его Высочество Юн Шэн, взяв с собой придворного лекаря Чэня, прибыл сюда.

— Придворный лекарь? — не сдержавшись, воскликнула наложница Шу, внезапно вскочив с места. Этот мерзкий!..

Чан Дэфу не успел что-то ответить, как Юн Шэн вместе с придворным лекарем уже подошли к дверям и с напыщенным видом прошли в комнату, где лежал раненый наследник престола.

Эти двое явно спешили к Юн Шаню, и, несмотря на холодный рассвет и завывающий зимний ветер, Юн Шэн обливался горячим потом. Как только они вошли в дверь, юноша тотчас же развязал свою парадную шубу из соболя и вручил ожидавшему за дверью старшему

дворцовому евнуху.

— Едва поднявшись с постели, я услышал новость, что Ваше Высочество получили ранение, — заговорил он. — Я был так взволнован, что совершенно не понимал, что делать и как быть. Вы, Ваше Высочество наследный принц, являетесь корнем и стволом государства, и если с Вами случится какая-нибудь беда, что делать тогда? Я решил, что к этому делу не стоит относиться лишь бы с плеч долой, и поэтому сегодня рано утром я отправился к отцу-императору и рассказал об этом. Отец-император сразу же приказал позвать лекаря Чэня и отправляться сюда. Ваше Высочество, какая жалость! Как же Вы умудрились пораниться? Господин лекарь, ранение не опасное? Мы так переживаем, что готовы умереть от беспокойства.

С каждым словом Юн Шэн подходил всё ближе, а когда заметил наложницу Шу, стоявшую подле, поклонился ей по правилам этикета и спросил:

— Матушка-государыня тоже здесь? Почему у Вас лицо такое бледное? Неужели и Вы, матушка-государыня, тоже ранены?

Но императрицу Юн Шэн не волновал. Сейчас всё её внимание было приковано к дряхлому лекарю Чэню, который нёс в руках маленькую аптечку. Сердцебиение наложницы участилось, как только она поняла, что их тайна может быть раскрыта в любую секунду.

Этот старый хрыч уже тридцать семь лет занимал должность придворного лекаря. Он имел репутацию человека твёрдого и справедливого и никогда не смешивающего такие вещи, как масло и соль, огонь и воду [2]. Если бы Юн Шаню привели кого-нибудь другого, то можно было бы попросить немного обработать рану и подкупить его, чтобы тот не сболтнул ничего лишнего, но почему, как назло, наследному принцу привели этого консервативного лекаря Чэня?

Императрица была в растерянности, но никак этого не показывала, держа невозмутимый вид. Она присела на край постели и, обратившись к Юн Шэну, спокойным голосом заговорила:

— Если бы ты и в самом деле думал о Его Высочестве, ты бы ни за что не позволил себе так бесцеремонно врваться в комнату к наследнику престола.

Юн Шэн, похоже, уже давно выучил уроки, что преподавала ему его мать, и сейчас с улыбкой ответил:

— Матушка-государыня зря меня обвиняет. Почему я бесцеремонно ворвался в комнату Его Высочества? Я выполняю волю отца-императора, поэтому и прибыл сюда.

Как только в комнате появился Юн Шэн, Юн Шань смерил его неопределённым взглядом. Заметив, что матушка Шу хочет ещё что-то сказать, юноша перебил её и произнёс:

— Отец-император ежедневно ведёт бесчисленное множество важных дел, к чему его тревожить такими пустяками? — Обернувшись, юноша поглядел на зависшего в глубоком поклоне лекаря Чэня и продолжил: — Ты стар, и не стоит при первом же взгляде на Моё Высочество кланяться до земли. — Губы Юн Шаня изогнулись в лёгкой улыбке.

Обычно наследный принц был очень серьёзным, совершенно не эмоциональным человеком, однако сейчас эта его улыбка, расцветшая на губах, казалась спокойной, умиротворённой. Эта улыбка показывала, насколько Юн Шань благовоспитан, добр и милосерден.

Лекарь Чэнь с трудом разогнулся и снова сделал шаг вперёд, без высокомерия и заискивания сказав:

— Император приказал Вашему слуге прийти сюда, чтобы осмотреть рану Вашего Высочества и вылечить её. Позвольте спросить, Ваше Высочество, где она находится? Как Вы поранились?

— Его рана должна быть на бедре, — подал голос Юн Шэн, который стоял в стороне. — Я слышал, что его ранили кинжалом.

— Не говори ерунды, — ответил Юн Шань резко, а после вдруг вновь растянул свои губы в лёгкой улыбке. — Если бы меня ранил подосланный убийца, то отцу-императору уже бы давно доложили об этом, и тогда бы закрыли городские ворота, а самого преступника искали везде без сна и отдыха, пока не поймали и не арестовали. Рана на правой ноге, но причина...

Он посмотрел на лекаря Чэня, а его тёплая улыбка внезапно померкла, и Юн Шань, разомкнув снова губы, принялся лгать:

— Сказанное мной может уронить моё лицо. Когда я ездил во Дворец Наказаний, я неосторожно поскользнулся и упал. К несчастью, там оказалась засохшая бамбуковая ветвь, которую сломало снегопадом, она и вонзилась мне в ногу. Чан Дэфу понимает толк в лекарственных делах и тотчас же перебинтовал мне ногу, не посмев тревожить придворных лекарей.

По Юн Шэну было видно, что он знает всю правду, так как явно получил достоверную информацию от слуг своей матери. Юноша картинно нахмурился.

— Бамбуковая ветвь? Но я слышал, что Вас ранили кинжалом. Во всяком случае, по ране будет видно, чем её нанесли. Тело Вашего Высочества очень ценно, поэтому позвольте лекарю Чэню осмотреть Вашу рану.

Наложница Шу поглядела на лекаря Чэня, и её бросило в дрожь, словно в неё вонзились когти кота и неприятно царапали кожу. Женщина не могла спокойно ни стоять, ни сидеть, бросая взгляд на Юн Шэна. Как жаль, что нельзя было схватить этого болвана вместе с его матушкой и обрушить на них дождь из стрел!

Юн Шань же, не издавая ни звука, удобнее устроился на постели.

Чан Дэфу, стоявший в стороне, засуетился, и его лицо не выражало ничего кроме строгости и сосредоточенности. Заметив, как Юн Шань побледнел, евнух подумал, что Его Высочеству неудобно лежать, и тотчас же, взяв маленькую мягкую подушку, положил её под чужую поясницу. Он тихо прошёл к изголовью кровати и, встав с другой стороны ложа, осторожно погладил плечо Юн Шаня, разминая затёкшие мышцы.

Чан Дэфу внимательно ухаживал за Юн Шанем, косо поглядывая на придворного лекаря.

Лекарь Чэнь преклонил колени перед кроватью и любезно попросил Юн Шаня закатать штаны и развязать нижнее бельё, обнажая бедро, которое действительно было плотно забинтовано.

Посмотрев, лекарь Чэнь почтительно произнёс:

— Ваше Высочество, прошу прощения, но Ваш слуга хочет распустить марлю и посмотреть рану, прежде чем излечит её.

Матушка Шу уже закипала от злости и, не сдержавшись, подала голос:

— Господин лекарь, да что с Вами сегодня такое? Рану с таким трудом забинтовали, она должна затянуться, а Вы ни с того ни с сего её раскроете. Разве это не причинит боли наследнику престола? Ваши родители — придворные лекари — ради того, чтобы посмотреть на пустяковую ранку и чтобы сделать всё по-своему, тоже тотчас же готовы были причинять боль наследному принцу, не взирая ни на что?

— Государыня-императрица всё верно говорит. Ваш слуга это делает ради того, чтобы сделать всё по-своему. — Лекарь Чэнь, стоя всё так же неподвижно на коленях, поднял мутный взгляд старых глаз, в которых неожиданно промелькнула лёгкая остринка. Поглядев на женщину, лекарь по-прежнему без высокомерия и заискивания сказал: — Ваш слуга получил указ от самого императора, разве он может работать спустя рукава?

Подвергшись давлению со стороны придворного лекаря, наложница Шу в тот же момент поперхнулась.

Юн Шэн заметил замешательство императрицы, и это принесло ему такое удовольствие, что он чуть не засмеялся.

Лекарь Чэнь вновь повернул голову и поглядел на Юн Шаня:

— Ваше Высочество, Ваш слуга хочет развязать бинт. Может быть немного больно, поэтому прошу Вас потерпеть.

Юн Шань свёл брови к переносице, но вслед за этим с облегчением сказал:

— Я хочу покончить с этим делом как можно скорее. Короткая боль лучше долгой. — И юноша поглядел на матушку Шу.

Лекарь Чэнь выдохнул своё «слушаюсь» и с осторожностью приступил к делу.

Несмотря на своё безразличие, Юн Шань на самом деле очень сильно переживал за Юн Линя. Каждый раз, когда брату угрожала какая-либо опасность, Юн Шань всегда бросался на его защиту, как бы сильно не испытывал ненависть к нему.

Но, несмотря на это, ему также не хотелось жертвовать и Юн Ци.

«Неужели у этого ребёнка в голове есть ещё какие-то глупые мысли?» — подумала наложница Шу, испытывая растущее беспокойство. Больше не в силах сидеть на месте, она поднялась на ноги и, зайдя за спину придворного лекаря, с тревогой наблюдала за каждым его движением.

Бинт слой за слоем распускался. Сначала он был абсолютно белым, без единого пятнышка, но дальше появлялась просочившаяся алая кровь, и можно было увидеть довольно тяжёлую рану.

Наложница Шу испуганно смотрела на всё это, и её сердце трепетало от испуга. Мысленно женщина снова ругала Юн Линя: «Этот негодный мальчишка так сильно ранил своего старшего брата».

Последний слой бинта наконец-то раскрылся.

И рана обнажилась.

Матушка Шу вскрикнула.

На ноге Юн Шаня красовалась рана, края которой были не ровными, кожа вывернута, кровь растеклась вокруг, а снаружи виднелся белый гной.

Лекарь Чэнь вздрогнул от испуга и в ужасе произнёс:

— Ваше Высочество получил серьёзную травму, разве можно было умалчивать от лекаря такое? Этот бамбук во Дворце Наказаний навёл на Вас много несчастья.

Примечание:

[1] Нить паутины и следы копыт коня — буквально: ключ к разгадке, след, путеводная нить,

зацепка.

[2] Не смешивать такие вещи, как масло и соль, огонь и воду — так говорят о человеке с принципами, который не изменяет себе и своим убеждениям.

<http://bllate.org/book/13372/1189550>